

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

О. Г. Сидорова

ИНТЕРВЬЮ С АМЕРИКАНСКИМ РУСИСТОМ*

Данная статья представляет собой результат работы автора в Университете Канзаса (город Лоренс, США) в сентябре — декабре 2004 г. Оговоримся сразу, что тематика моей научной работы в Канзасе была связана прежде всего с изучением современной мультикультурной составляющей литературы США. Тем неожиданнее оказалось знакомство с иной сферой, ярко и разнообразно представленной в программе Университета Канзаса, — с изучением русистики во многих ее аспектах: русский язык, классическая и современная литература, российская история и современность.

Канзас — один из штатов, которые относятся к так называемому Среднему Западу Соединенных Штатов, исторически сложившемуся району, ограниченному Скалистыми горами с запада, горами Апалачи с востока, рекой Огайо с юга. Средний Запад — американская глубинка, которая, с одной стороны, гордится репутацией истинной Америки в противовес космополитичным территориям западного и восточного побережий, с другой стороны, находится вдалеке от знаменитых центров культуры и науки.

Несмотря на удаленность от традиционных центров, Университет Канзаса — крупный современный научно-образовательный центр, в котором обучается более тридцати тысяч студентов и работает несколько тысяч преподавателей и науч-

* Исследование, результаты которого изложены в настоящей статье, осуществлялось при поддержке Программы исследовательских стипендий Корпорации Карнеги в Нью-Йорке, администрируемой Национальным советом евразийских и восточно-европейских исследований, Вашингтон, США (NCEEER). Точка зрения, отраженная в данной публикации, принадлежит ее автору и может не совпадать с точкой зрения Корпорации Карнеги и NCEEER.

О. Г. Сидорова и Дж. Майклсон (Топика, США)

ных сотрудников. Принципиальным является тот факт, что русских здесь немного, в этом состоит заметное отличие Лоренса, например, от Нью-Йорка. Университетская библиотека обладает прекрасной коллекцией литературы на русском языке: заслуживает упоминания также и то, что в ней хранится первое прижизненное издание «Истории государства Российского» Н. Карамзина в одиннадцати томах. Кроме произведений классических и современных авторов, вплоть до популярных романов Б. Акунина, П. Дашковой, Д. Донцовой, читателям доступна русскоязычная популярная и специальная текущая периодика. Русский язык, русскую литературу и другие предметы, связанные с Россией, преподают в Лоренсе преподаватели-американцы, большинство из которых прекрасно владеет русским языком.

Профессор Джеральд Майклсон владеет русским языком с той степенью свободы, которая, как казалось мне до знакомства с этим человеком, может быть доступна лишь носителям языка. Ниже приводится интервью, взятое мною у профессора Дж. Майклсона (Лоренс, Канзас, 10 декабря 2004 г.).

— Скажите, пожалуйста, Джерри, где Вы изучали русский язык, почему Вы его начали изучать, как Вы заинтересовались русской литературой?

— Я изучал русский язык в Висконсинском университете в городе Медисон начиная с осени 1957 г. Я тогда учился в университете уже три года на инженера-химика, но был очень недоволен выбором профессии и старался найти другую область знаний, где я мог бы преуспеть больше. И совершенно случайно, не знаю даже, что или кто подсказал мне эту идею, я записался на первый курс русского языка, моментально его полюбил. Слушая лекции по физической химии, я на по-

лях тетради спрягал русские глаголы и склонял имена существительные и прилагательные (эта тетрадь у меня сохранилась). Вскоре после этого я перешел на гуманитарный факультет, и срок моего студенчества продлился еще на один год. К концу обучения в университете моим главным предметом был русский язык, и к тому времени я уже начал изучать литературу, историю и другие предметы.

— *Джерри, скажите, пожалуйста, чему была посвящена Ваша диссертация?*

— Моя диссертация была посвящена А. С. Пушкину. Она называлась «История русского дворянства в произведениях А. С. Пушкина».

— *Насколько я понимаю, за эти долгие годы, что вы занимаетесь русским языком и русской литературой, у Вас есть публикации по разным авторам и разным направлениям. Не могли бы Вы назвать некоторые из них.*

— Да, конечно. Прежде всего, это Пушкин (им я занимаюсь до сих пор), но много лет назад я заинтересовался современной русской литературой. В то время я заведовал нашей кафедрой и имел возможность приглашать писателей из России в Америку. Мы делали это каждый год. Я тщательно готовился к каждому приезду и обязательно старался познакомиться с творчеством этих писателей. Произведения некоторых из них я начал переводить на английский язык. Вместе с женой мы переводили таких писателей, как Юрий Трифонов, Валентин Распутин.

— *Это опубликовано?*

— Да, опубликовано. Особенно Распутин. У нас две книги В.Распутина. Первая книга содержит в себе повесть «Пожар», несколько рассказов и очерков, конечно же, со вступительной статьей. Вторая книга — это перевод его нехудожественных произведений. Книга «Сибирь, Сибирь» — размышления писателя о его сибирской родине.

— *Вы сказали, что заведовали кафедрой в Канзасском университете. А можно узнать, сколько уже лет Вы преподаете?*

— Тридцать семь лет.

— *А кафедра, которой вы заведовали, объединяет и литературоведов, и лингвистов, и вообще славистов?*

— Она называется кафедрой славянских языков и литератур. На первом месте, конечно, русский язык, потом в основном польский, сербохорватский, но бывают и другие славянские языки.

— *Я знаю, какие курсы вы читали в этом семестре, а еще какие курсы вы читаете? Что-то будет по «Евгению Онегину»?*

— Да, у меня два курса по Пушкину. Один называется: «Жизнь и творчество Пушкина», а второй — «Пушкин и Евгений Онегин», где целый семестр посвящается изучению этого произведения с комментариями Ю. Лотмана, В. Набокова и др. Я преподаю русскую поэзию XIX и XX вв., веду семинары по литературному переводу и курсы совместно с коллегами с разных кафедр, которые называются: «Биография города Санкт-Петербурга. Избранные страницы из политической и культурной истории города Петра» и «Сибирь вчера и сегодня». В следующем семестре я буду читать этот курс.

— *Много ли студентов приходят изучать русский язык и литературу?*

— Сегодня, конечно, не так много, но бывают и подъемы интереса. Один из таких подъемов был, например, во время перестройки, а через несколько лет — очередной спад. Но это уже много раз происходило в течение тридцати семи лет.

— *Мы можем надеяться еще на один подъем?*

— Да, конечно. Я лично не расстраиваюсь по поводу того, что сейчас чуть-чуть меньше человек стало обучаться русскому языку.

— *Джерри, как Вы считаете, зачем молодые люди приходят изучать русский язык и литературу? Как они это объясняют себе и другим?*

— Для избранного круга студентов Россия — это все-таки заманчивая идея, таинственная категория. Когда они сталкиваются с ней, она производит очень сильное впечатление. Русская история, русская музыка, может быть, литература. Но, как я уже сказал, это не для всех, а только для избранных. В целом же, как Вам это известно, наши студенты вообще не очень любят изучать языки, гораздо меньше, чем, например, в России или Европе.

— *В России тоже сейчас изучают исключительно английский язык, при чем преимущественно с прагматическими целями. Гораздо меньший интерес вызывает литература или история.*

— У нас все больше изучают испанский язык — это второй язык в нашей стране, носителей этого языка в США становится все больше.

— *А как вы считаете, есть какие-то приоритеты, представляющие особый интерес для американских студентов и аспирантов? Может быть, какие-то темы или авторы в русской литературе, русской истории?*

— Я думаю, что на первом месте находится такой писатель, как Ф. М. Достоевский, на втором — Л. Н. Толстой; а вот А. С. Пушкина знают меньше, потому что Пушкин — прежде всего поэт, его поэзию почти невозможно адекватно перевести.

— *К сожалению, да.*

— Из писателей XX в. знают А. П. Чехова, преимущественно как драматурга. Хотя в курсах по мировой литературе, конечно, студенты знакомятся и с рассказами Чехова. Из романов XX в. широкую популярность приобрели такие романы, как «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Тихий Дон» М. Шолохова.

— *Я слышала от многих людей, что имя Л. Н. Толстого очень популярно. Но ведь такие его произведения, как «Война и мир» или «Анна Каренина», очень объемны и трудны для перевода и восприятия даже для многих русских читателей. В Канзасе один молодой человек рассказывал мне, что с удовольствием читает «Анну Каренину», но не может разобраться в бесконечном ряду уменьшительных и ласкательных имен, и приходится возвращаться назад, сопоставлять и прилагать усилия, чтобы понять, о ком же в данный момент идет речь.*

— «Анну Каренину», может быть, в Америке читают больше, чем «Войну и мир», но Достоевский переводится неплохо, у нас действительно хорошие переводчики Достоевского, и поскольку идеи, которые обсуждаются в его романах, очень интересны, его произведения пользуются популярностью.

— *Вы говорите, что Пушкина читают мало. Вы считаете, что Пушкина, в общем, практически невозможно перевести?*

— Конечно, можно дать общее представление о его стихах, но перевести адекватно очень сложно.

— *Мне недавно тоже встретилось несколько разных переводов произведений Пушкина на английский язык, но я не стала их покупать, потому что они не произвели на меня никакого впечатления. А можно узнать, кто Ваши любимые авторы, конечно, кроме Пушкина.*

— Из поэтов XIX в., наверное, Федор Тютчев, Афанасий Фет, Евгений Баратынский; а из поэтов XX в., пожалуй, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Осип Мандельштам. Из современных поэтов, ныне здравствующих, я очень люблю стихи Олега Чухонцева, Александра Кушнера и Беллы Ахмадулиной. Между прочим, они все были нашими гостями, и студенты могли слушать их беседы о литературе (они предпочитали называть выступления не лекциями, а беседами). Это было замечательно.

— *А прозаики?*

— Из писателей XIX в. я могу назвать А. Пушкина как прозаика, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. В. Гоголя; из писателей советского периода — М. А. Булгакова, К. Паустовского, Б. Пастернака, а также В. Распутина, Ю. Трифонова, Ф. Абрамова.

— *Джерри, скажите, пожалуйста, когда Вы впервые побывали в России?*

— Когда я только начал изучать язык, у меня практически не было возможности приехать в вашу страну, потому что обменов или совсем не было, или они только начинались. Я подавал заявление на единственный существовавший тогда межгосударственный обмен аспирантами, по пятьдесят человек с каждой стороны ежегодно, но не прошел, так же как и второй, а третий раз меня выбрали. Это было в 1966 г.

— *Вы помните свои впечатления?*

— Конечно! Я приехал в Ленинград в начале февраля 1966 г. Был лютый мороз. Старожилы говорили, что это самая холодная зима со времени блокады Ленинграда. Я пробыл в России всего пять месяцев, потому что в то время у меня уже была семья, а приехать с семьей мне не разрешали. У меня осталось столько незабываемых впечатлений! В России у меня очень много хороших друзей, с которыми я постоянно поддерживаю контакт. Последние двадцать лет я приезжаю в Россию каждый год по два-три раза, на конференции, со студентами, читаю лекции в университетах.

— *У меня появился такой вопрос: я знаю, как Вы относитесь к России, а как к ней относятся студенты? Какие у них остаются впечатления? Она их привлекает или отталкивает?*

— Бывает всякое. Это зависит от человека, но я думаю, что после двухлетнего изучения языка шансов полюбить страну и еще не раз туда вернуться гораздо больше.

— *Джерри, Вы постоянно ездите в Россию, а что Вас привлекает в ней? Ведь, согласитесь, в нашей стране довольно много чисто бытовых проблем.*

— Ну, я уже привык к лишениям, если можно так сказать. Но это меня не волнует, потому что люди всегда меня тепло встречают и обеспечивают жильем в гостиницах, у кого-то в гостях или в профилактории университета. Какая будет температура в моей комнате или какие удобства — далеко не самое существенное. Меня притягивают прежде всего мои друзья и коллеги.

— *Русские люди отличаются от американцев?*

— Ну, конечно, отличаются. В этом-то и весь интерес, особенно принимая во внимание то, что последние годы между нами уже нет занавеса, во всяком случае — идеологического. Раньше, много лет назад, мы говорили о том, как много общего мы имеем с русскими людьми, и это несомненно так. Может быть, какая-то открытость. Но то, что мы немножко разные, и делает наше общение более интересным. Мы дополняем друг друга, что, надеюсь, обогащает нашу жизнь. Мы по-разному относимся к происходящему в мире, и это интересно, поскольку дает пищу для разговоров. Это меня нисколько не отталкивает, а, наоборот, притягивает.

— *В этом семестре в Канзасском университете нас двое: я и еще один преподаватель-филолог из Великого Новгорода. Часто ли приезжают преподаватели из других вузов России?*

— Да, и значительно больше, чем раньше. Было время, когда я был знаком почти со всеми приезжающими русскими, потому что их было мало, они были так или иначе связаны с моим отделом. Теперь же они рассредоточены по всему университету и работают в разных лабораториях и на разных факультетах. Я могу и не знать всех, но все равно стараюсь приветствовать русских в благодарность за прием, что мне оказывают в России.

— *Джерри, как Вы оцениваете состояние русистики в США?*

— В стране формально около двенадцати-пятнадцати университетов, где можно защитить докторскую диссертацию по русской литературе.

— *А в Канзасе можно?*

— Да, конечно. Докторская программа существует уже тридцать пять лет, и мы подготовили около сорока человек. И большинство из них занимают очень хорошие места в университетах и колледжах нашей страны.

— *Что Вы можете сказать по поводу современного состояния славистики в США?*

— Дело в том, что сейчас происходят бюджетные сокращения в наших университетах, и славистика тоже от этого страдает. И когда уходят на пенсию слависты, то совсем не обязательно приглашают кого-нибудь на замену, т. е. происходит автоматическое сокращение штатов. Но, с другой стороны, славистика — это такая специальность в нашей стране, которая никогда не исчезнет. В этой науке есть постоянная необходимость.

— *Джерри, как Вы считаете, русскую культуру хорошо знают в Америке? Я знаю, что труды Бахтина очень популярны. На конференции по коммуникации в Чикаго я услышала, как идеи Бахтина используются в самых разных сферах. У меня сложилось впечатление, что для многих американских исследователей Бахтин — фигура номер один. А кого еще знают?*

— Можно назвать не одного человека. В каждом виде искусства есть свои выдающиеся личности, которые внесли особый вклад в историю развития той или иной сферы деятельности. В театре, например, Станиславский. Русские композиторы очень популярны: думаю, им уделяется не менее 20 процентов эфирного времени на радио, они являются неотъемлемой частью программы наших лучших оркестров. Центральной фигурой в развитии мирового балета за последние столет является Баланчин. Все русские: Бахтин, Набоков...

— *А Набокова знают?*

— Набокова, конечно, знают. На кафедрах английской филологии его знают гораздо больше, чем на славянских.

— *А что именно изучают у Набокова?*

— Изучают его романы. Набоков пользуется большой популярностью на кафедрах американской литературы, читают не только романы, написанные на английском языке, но и те, что переведены с русского.

— *Его изучают как американского писателя?*

— Как американского писателя русского происхождения. Это, конечно, уникальный случай.

— *А Бродский?*

— Бродский, наверное, тоже. Хотя он продолжал писать стихи почти исключительно на русском языке.

— *Вам нравится «Лолита»?*

— Да, конечно, хотя я давно не перечитывал этот роман. Но, заметьте, я не называл Набокова в числе своих любимых писателей. Я согласен со многими русскими, что в его прозе присутствует какая-то холодность. Я тоже так считаю. Это эстет высокого порядка. Я предпочитаю «черный хлеб» русской литературы, так сказать, ее «деревенщиков» и городских писателей, таких как Битов, Трифионов и другие. Я даже смотрел спектакль Виктюка по «Лолите» в Риге.

— *Вам понравилось?*

— Не очень.

— *Джерри, что Вы можете сказать по поводу состояния российской литературы? Все-таки уже нет в живых Трифионова, Абрамова. Вы знакомы с произведениями ныне живущих писателей?*

— Из-за недостатка времени я не очень хорошо знаком с их творчеством. Я собираю материалы, но читать пока не могу.

— *Как вы оцениваете состояние новейшей русской литературы?*

— Я даже не знаю, как ответить. Мне кажется, что сейчас промежуточное время, когда многое пересматривается, переосмысливается. Меня больше интересует, как будет написана история русской литературы XX в. в целом. Ведь долгое время существовало три разных направления в литературе: советская, т. е. «госиздатская», «самиздатская» и «тамиздатская». А теперь люди, которые пишут историю литературы, пытаются разобраться, как эти три течения могут слиться в одно и какое из них сможет сохранить место в истории. Мне кажется, что должны отпасть те писатели, которые туда попадали раньше не по художественным критери-

ям, а единственно по идеологическим. То же самое на Западе. Писатели, которые старались все время шокировать западного читателя, тоже не обязательно останутся в «золотой книге», если они писали с таким расчетом, что одной политики или оппозиционных настроений достаточно, чтобы написать хороший роман. Это ловушка для писателя. Мне кажется, что многие писатели, которые эмигрировали, не останутся в истории литературы вообще.

— *Как Вы думаете, из официальной советской литературы кто-нибудь останется?*

— Многие, очень многие. Я не согласен с теми, кто обвиняет советских писателей в половинчатости, трусости и т. д. Я думаю, что надо акцентировать позитивную сторону их деятельности, что им удалось сделать, даже когда было очень трудно. Я очень люблю таких драматургов, как, например, Виктор Сергеевич Розов. Конечно, его драмы связаны с современным ему временем, и он оставался в определенных рамках, но тем не менее его пьесы будут ставить в театрах. Мне кажется, что его драматургия не изжила себя.

— *Джерри, Вы знаете, что сегодня ведется много разговоров о том, что русский язык и культура подвергаются американскому влиянию. Молодежи кажется, что все новое, и особенно приходящее извне, всегда хорошо. Как Вы считаете, российская культура сохранит свою самобытность?*

— Ну, конечно, обязательно.

— *Вы считаете, что эти внешние влияния неизбежны?*

— Да, я считаю, что это неизбежно и временно для переходного периода. Сегодня мы не за занавесом. Понятие об авангарде, например, имеет свое место время от времени, и это экспериментальный период. Меня волнует то, что хороших писателей печатают маленькими тиражами и их произведения читают гораздо меньше, чем раньше. Мне кажется, что в этом смысле ваша страна становится похожей на любую другую капиталистическую, так сказать, ведь там тоже есть конкуренция. В Америке, например, очень немногие писатели могут прожить на литературный гонорар. Они работают где-то, преподают литературу в университетах. Писательство — это, конечно, их любимое занятие, но далеко не главный заработок, за исключением немногих очень крупных писателей, книги которых экранизируют, и именно за это они получают большие деньги. Я очень рад тому, что в России существуют такие премии для писателей (Букеровская, Пушкинская, премия имени Андрея Белого), где получают деньги за книги. Это очень хорошо, иначе даже самым лучшим писателям бывает трудно.

— *Буквально несколько дней назад Василий Аксенов получил Букеровскую премию. Вы знакомы с его творчеством?*

— Да. Я очень хочу прочитать его книгу о Екатерине Великой. В связи с вручением премии Аксенову по телевидению в программе «Время». В начале 1981 г. Василий Павлович с женой приезжали к нам в гости. Он очень хороший человек. Я помню однажды, мы с ним случайно встретились в гостинице во время конференции славистов. Он увидел меня и сказал: «Джерри! Самый русский человек на этой конференции». Я благодарен ему за то, что когда-то опаздывал к нему на

встречу в гостинице «Украина» в Москве, а он меня дождался. Это была наша первая встреча.

— Джерри, Вы начали говорить о том, что Россия становится более похожей на другие страны. Как Вы считаете, привычка к чтению сохранится в России? Все-таки появляются новые технологии. Я буквально сегодня прочитала в Интернете, что даже видеокассеты уже вытесняются с рынка компьютерными дисками, т. е. все переключается на компьютер.

— Да, должна сохраниться.

— Вы оптимист?

— Да, в этом смысле я оптимист. Я думаю, что молодые люди устанут от всего этого, им надоест постоянно сидеть перед каким-то экраном, потому что жизнь важнее и больше, интереснее и разнообразнее. Я был бы в ужасе, если бы это была судьба всего человечества. Я думаю, в конце концов молодежь разберется. Да и как можно жить без природы, без чтения?

— А литература для Вас явление такого же порядка, как природа?

— Да, они абсолютно равнозначны для меня. Я бы не мог жить без того или другого.

— Мне часто задают вопросы, что такое литература, зачем она нужна и зачем нужно литературоведение. И я всю жизнь отвечаю на них. Для меня очень важно было услышать Ваше мнение.

— Знаете, я особенно уважаю технарей, биологов, физиков, математиков, которые не пренебрегают литературой, гуманитарными науками. В нашей стране есть биолог Уилсон из Гарвардского университета, который очень любит поэзию, философию. Я думаю, что мы должны уважать друг друга: физики, математики, поэты, лирики.

— Ну, у вас же есть профессор физики Дэвид Бессен, который вот уже пять семестров слушает Ваши курсы просто для себя.

— Да, даже накануне отъезда в Антарктиду он был на нашем занятии. Это настоящая преданность.

— В этом семестре он прослушал курс по русской лирике девятнадцатого века и читал все стихи в оригинале. А прозу он тоже читает?

— Да, он посещал мой курс по русской прозе XX в., по Пушкину. Он также прослушал курс по русской литературе семнадцатого века, который читал русский профессор Петр Бхаркин.

— А каких авторов Вы включаете в курс русской прозы XX в.?

— Вступительный курс я называю «От Толстого к Толстой». Начинаем с рассказа Л. Н. Толстого «За что?» и заканчиваем рассказом Татьяны Толстой «Река Оккервиль», между ними пятнадцать-двадцать писателей. После Толстого — А. Чехов, его последний рассказ «Надя», М. Горький, И. Бунин, Е. Замятин, М. Шолохов, Ю. Олеша, Б. Пастернак.

— Большое спасибо, Джерри, мне было очень приятно с Вами общаться.

— Вам спасибо.